

УДК 1 (091)

Науково-теоретичний альманах «Грані»
Scientific-theoretical almanac «Grani»

«Grani». 2016. 138(10), 84-88.
doi:10.15421/1716125
www.grani.org.ua

Роль аллегорий в философском тексте

А.В. Кулик¹

Проанализированы философские аллегории в текстах Боэция, Дж. Вико и Д. Дидро. Систематизированы идеи Ф. Шеллинга, Ф. Шлейермахера, А. Шопенгауэра и других мыслителей относительно использования аллегорий в философских текстах. Рассмотрена критика, высказанная Дж. Локком, относительно использования аллегорий в философских текстах. Выделены шесть концептуальных моментов, которые определяют роль аллегорий в философском дискурсе. Во-первых, аллегории позволяют философу в своих текстах подавать общее через особенное или же изображать особенное через общее. Во-вторых, аллегория не предназначена для буквального понимания, единственный ее смысл – переносный. В-третьих, в философии аллегории используются для того, чтобы выражать понятия. В-четвертых, служа для передачи понятий, аллегории занимают совершенно законное и естественное место в инструментарии философа. В-пятых, для некоторых философских понятий аллегория является наиболее подходящим способом выражения философской позиции. В-шестых, аллегории позволяют философу излагать понятия таким образом, чтобы вызвать максимально сильный отклик у читателя, поскольку аллегории вызывают не только интеллектуальные размышления, но и стимулирующую эти размышления эстетическую реакцию.

Ключевые слова: аллегории; философский текст; герменевтика; история философии; понимание

The role of allegories in philosophical text

A.V. Kulyk²

Big attention to various theoretical aspects of allegories' use in philosophical texts was paid by Friedrich Schelling, Friedrich Schleiermacher and Johann Goethe. Some modern researchers gained considerable results in interpreting the allegories of different authors into philosophy. For example, Seth Lerer explored allegories in the texts of Boethius, Jerrold Seigel, which were engaged in the interpretation of the allegories in texts of the Italian humanists. E. Titar explored allegories in G. Skovoroda's writings. Also there are studies in which their authors have raised questions about functioning of allegories in the philosophical text. We mean the researches by I. McCaffrey, E. Akishina and other authors. At the same time, we have not met studies that would try to give a holistic view of the role of allegory in philosophical texts. The purpose of the paper is to scrutinize the role of allegories in philosophical texts. It has been showed that allegories have important place in texts of some notable philosophers. Friedrich Schelling's ideas about essence of allegories have been analyzed, Friedrich Schleiermacher's concepts about peculiarity of philosophical allegories, Arthur Schopenhauer's thoughts about content of allegories have been described. In the process of analyzing six characteristic features of philosophical allegories' use have been emphasized. First, the use of allegories enables a philosopher to give his theories by expressing his general ideas through particular specimens. Second, authors use allegories not only for the literal interpretation by a reader. Allegories have only figurative meaning. Third, allegories in the philosophy are used to express concepts. That is, philosophical allegories do not lead their reader to the sphere of artistic images. They lead to philosophical concepts. Consequently, fourth, allegories occupy a completely legitimate place in the toolbox of a philosopher, whose idea, in fact, is to work with the concepts. Fifth, allegories are an appropriate way to express such difficult philosophical notions as 'absolute', etc. Sixth, allegories enable the philosopher to express his concepts brightly as allegories evoke in the reader not only intellectual reasoning but also some esthetic reaction. These characteristic features of using philosophical allegories in texts of Boethius, Giambattista Vico and Denis Diderot have been checked by the author. Moreover, the issue of needlessness of allegories has been discussed. John Locke's criticism concerning allegories' use in philosophical texts and Ernest Nagel's ideas about importance of philosophical allegories has been compared.

Keywords: allegories; philosophical text; hermeneutics; history of philosophy; understanding

¹ Доктор философских наук, профессор; Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара, 49000, Днепр, пр. Гагарина, 72

² Doctor of philosophical sciences, Full Prof; Oles Honchar Dnipropetrovsk national university, 72, Gagarin Ave., Dnepro, 49000, Ukraine

³ Доктор філософських наук, професор; Дніпропетровський національний університет ім. Олеса Гончара, 49000, Дніпро, пр. Гагаріна, 72
E-mail: al.v.kulik@gmail.com

Роль аллегорій у філософському тексті

А.В. Кулик³

Проаналізовано філософські аллегорії у текстах Боеція, Дж. Віко і Д. Дидро. Систематизовано ідеї Ф. Шеллінга, Ф. Шлейермахера, А. Шопенгауера та інших мислителів стосовно використання аллегорій у філософських текстах. Розглянуто критику, висловлену Дж. Локком щодо використання аллегорій у філософських текстах. Виділено шість концептуальних моментів, які визначають роль аллегорій у філософському дискурсі. По-перше, аллегорії дозволяють філософу у своїх текстах подавати загальне через особливе чи зображати особливе через загальне. По-друге, аллегорія не призначена для буквального розуміння, її єдиний зміст – переносний. По-третє, в філософії аллегорії використовують для того, щоб виражати поняття. По-четверте, передаючи поняття, аллегорії посідають цілком законне та природне місце в інструментарії філософа. По-п'яте, для деяких філософських понять аллегорія є найбільш зручним способом вираження філософської позиції. По-шосте, аллегорії дозволяють філософу викладати поняття таким чином, щоб викликати максимально сильний відгук у читача, оскільки аллегорії викликають у читача не тільки інтелектуальні роздуми, але й естетичну реакцію, що стимулює дані роздуми.

Ключові слова: аллегорії; філософський текст; герменевтика; історія філософії; розуміння

Peer-reviewed, approved and placed: 07.10.2016.

Постановка проблеми. Філософський текст може містити як строгі педагогічно викладені аналітичні роздуми, так і аллегоричні образи. Платонівський міф про печеру, образ Філософії в книзі Боеція, три аллеї Д. Дидро мають глибоке філософське значення, яке, безумовно, важливо для розуміння ідей вказаних авторів. Разом з тим, аллегорії в філософських текстах займають особливе місце, не являючись основним інструментом викладу філософських ідей. Розбиратися в специфіці використання аллегорій у філософських текстах – непросте завдання, але без цього залишиться невідомим справжній зміст одного з важливих сегментів творчості багатьох філософів.

Аналіз досліджень і публікацій. Багато мислителів приділяли увагу різним теоретичним аспектам використання аллегорій у філософських текстах – це, зокрема, І. Гете [4], В. Ф. Шеллінг [9], Ф. Шлейермахер [10] і др. Нараховано значний теоретичний матеріал щодо інтерпретації аллегорій у рамках вивчення ідей того чи іншого філософа (наприклад, С. Лерер вивчає аллегорії у текстах Боеція [12], Дж. Зайгел займається інтерпретацією аллегорій у текстах італійських гуманістів [14], Е. В. Титарь досліджує аллегорії у працях Г. С. Сковороди [8] і т. д.). Є багато праць, у яких піднімаються загальні питання функціонування аллегорій у філософському тексті. Наприклад, І. Г. Маккафрі згадує феномен філософської аллегорії в зв'язі зі своїм аналізом феномена вображення [13], а Е. О. Акішина розглядає питання сутності аллегорій у своїй праці, присвяченій вивченню метафори як форми вираження філософських ідей [1]. Разом з тим, нам не зустрічалися систематизаторські дослідження, у яких предпринималась би спроба дати цілісне представлення про роль аллегорій у філософських текстах.

Ціль дослідження. Ціль даного дослідження полягає в тому, щоб дати цілісне представлення про роль аллегорій у філософському тексті.

Виклад основного матеріалу. Почнемо наше дослідження з питання про те, що розуміють філосо-

фи под аллегорией. У Ф. Шеллінга є наступна фраза: «Тот способ изображения, в котором особенное обозначает общее или в котором общее созерцается через особенное, есть аллегория» [9, с. 106]. Аллегии позволяют философу излагать материал, работая с «оптикой» философского текста, которая позволяет либо «приблизить» к читателю исследуемый материал, либо, напротив, показать более общую картину, в которую вписан изучаемый объект.

Ф. Шлейермахер обращает внимание своих читателей на то, что в аллегории «переносный смысл является единственным» [10, с. 53]. Это важная особенность аллегории. В отличие от большинства других элементов философского текста, аллегория не предназначена для буквального понимания. Например, когда Джамбаттиста Вико изображает метафизику в качестве женщины с крыльями на висках, стоящей на «мировом Шаре» [3], безусловно, он не имеет в виду некоего действительно существовавшего человека с описанной внешностью. Единственный смысл этого и других аллегорических образов – переносный. Однако, это не означает, что, используя аллегории, философ не рассчитывает на понимание. Он вовсе не окунается в сферу иррационального и невыразимого. Просто в случае, когда читатель сталкивается в философском тексте с аллегорией, он должен «переключиться» с понимания прямого смысла философского текста на понимание переносного смысла. Во втором случае, как и в первом, понимание вполне возможно. Тут основная проблема герменевтического плана заключается в том, чтобы понять необходимость перехода в понимании к истолкованию именно переносного смысла.

По словам А. Шопенгауэра, «то, что уясняется и представляется через нечто совершенно другое, ибо само не в состоянии достигнуть созерцания, – это всегда понятие» [11]. То есть, по словам этого мыслителя, аллегории ведут вовсе не к сфере художественного, а к понятиям, которые являются непосредственным предметом философии. Именно поэтому Шопенгауэр призывал изгнать аллегории из изобразительного искусства. Он полагал, что использование

аллегорий преследует совсем другую цель, нежели те цели, которые характерны для изобразительного искусства. Ведь, по его убеждению, понятие не должно быть источником, а его передача – целью художественного произведения. Структурно действие аллегии, как свидетельствует И. Гете, содержит следующие компоненты: «Аллегория превращает явление в понятие, понятие в образ, но так, что понятие все еще содержится в образе в определенной и полной форме и с помощью этого образа может быть выражено» [4, с. 351].

Рассмотрим аллегию философии, которую предлагает Бозций в своей работе «Утешение философии»: «Над моей головой явилась женщина с ликом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человеческие, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку» [2, с. 191]. Когда Бозций описывает рост этой особы, он отмечает, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в само небо и стала бы невидимой для взора людей. Бозций дает довольно подробное описание этой его гостыи, приводить полностью которое мы, впрочем, не будем. Приведенного вполне достаточно, чтобы убедиться, что упомянутые выше признаки философской аллегии (а именно: изменение оптики рассмотрения; переносный смысл является единственным; аллегория передает понятие) в данной аллегии Бозция присутствуют. Давайте рассмотрим по пунктам.

В своей аллегии Бозций через образ конкретной особы – «женщины с ликом, исполненным достоинства», то есть через нечто частное подает нечто общее – а именно признаки философии, как сферы деятельности. Что касается второго пункта, то, конечно же, Бозций не имел желаний, чтобы его читатели подумали, что к нему в тюрьму действительно явилась дама, «касающаяся теменем неба». Он имел в виду переносный смысл, означающий, в частности, величие философии. Ну и, наконец, рассмотрим третий пункт. Аллегория Бозция служит тому, чтобы раскрыть его представления о понятии «философия». Это не поэтический образ, имеющий целью будоражить воображение и эмоции, это философская аллегория, которая призвана объяснить идеи данного философа о содержании понятия «философия».

Рассмотрим еще одну философскую аллегию – ту, которую приводит Д. Дидро в своей работе «Прогулка скептика, или Аллеи». Описывая три образа жизни – а) религиозный, б) посвященный удовольствиям и в) философский, Дидро говорит о трех аллеях – об аллее терний, аллее цветов и о каштановой аллее. Последнюю он описывает так: «Это небольшая темная аллея, обсаженная каштанами и усыпанная песком, более удобная, чем терновая тропа, менее привлекательная, чем аллея цветов, более верная, чем они обе; но ее трудно пройти до конца, потому что песок на ней становится все более и более

зыбучим ... В каштановой аллее ты найдешь сферы, глобусы, телескопы, книги, тень и безмолвие» [5, с. 214]. Дидро предлагает пространное описание этой аллеи, добавим еще лишь один его фрагмент: «Аллея каштанов образует спокойный приют и напоминает древнюю Академию. Вдоль нее разбросаны тенистые роши и укромные уголки, где царят тишина и мир. Ее обитатели степенны и серьезны, но не отличаются ни молчаливостью, ни суровостью. Видя свое призвание в том, чтобы размышлять, они любят беседовать и даже спорить, но без того раздражения и упрямства, с каким визжат о своих бреднях по соседству с ними» [5, с. 234].

Вновь мы можем убедиться, что три вышеуказанных признака философской аллегии тут соблюдены. Говоря о частном, Дидро имеет в виду общее – философию. Буквальный смысл описанной аллеи несодержателен, в отличие от переносного. И передает данная аллегория понятие – а именно, понятие «философия».

Проанализировав вышеупомянутые образы, мы можем добавить следующее.

Служа для передачи понятий, аллегии, конечно, занимают совершенно законное и естественное место в инструментарии философа, забота которого, собственно и состоит в работе с понятиями. А то, что аллегория несет переносный, а не буквальный смысл, является вполне обычным для философии.

В качестве подтверждения этому, можно привести эксперимент, предложенный в свое время логиками М. Коэном и Э. Нагелем: взять две страницы любого философского текста и подчеркнуть все те места этого текста, где значение передается не буквально. По их наблюдениям, проделав эту процедуру, несложно убедиться, что слова, которые не несут буквального значения, занимают важное место в любом философском тексте. Более того, Коэн и Нагель констатируют, что если попытаться переписать философский текст, используя только фразы с буквальным значением, мы утратим сам текст. Ведь фразы, которые имеют переносное значение, не являются просто искусственными инструментами, позволяющими сделать речь более живой и яркой, они «являются необходимым средством для осознания и передачи новых идей» [6, с. 498].

Также мы считаем нужным отметить, что для некоторых философских понятий аллегория является наиболее подходящим, если не единственным возможным способом выражения философской позиции.

В качестве частного случая можно обратить внимание на попытки философии представить свои теории относительно понятия «абсолютное». Как подчеркивает Фридрих Шеллинг, «Изображение абсолютного с абсолютной неразличимостью общего и особенного в особенном возможно лишь в символической форме» [9, с. 106]. Гете, затрагивая близкую проблематику, придерживается подобной позиции: «Истинное, совпадая с божественным, никогда не допускает непосредственного познания. Мы созерцаем его только в отблеске, в примере, в символе, в отдаленных и родственных явлениях» [4, с. 354].

Как мы полагаем, необходимо сказать относительно употребления аллегорий в философском тексте также следующее. Аллегория позволяет философу изложить понятия таким образом, чтобы вызвать максимально сильный отклик у читателя, поскольку аллегории вызывают у читателя не только интеллектуальные размышления, но и стимулирующую их эстетическую реакцию.

Подавая теоретический материал в виде аллегии, философ сообщает своим понятиям выразительность и притягательность, которой не добиться путем сухого изложения холодных теоретических спекуляций. По словам Дж. Вико, трактовка в переносном смысле способна «вещам бесчувственным дать чувство и страсть» [3, с. 146]. Неслучайно Вико свое самое известное произведение начинает именно с аллегии. Елена Акишина справедливо пишет, что в философском тексте «аллегория выполняет задачу понятного, яркого и интересного объяснения и популяризации определенной философской концепции, с опорой (например, при использовании мифологических образов) на авторитет традиции» [1, с. 15].

Впрочем, сделаем оговорку, что, конечно же, не все философы считают правильным использовать переносное значение в философских произведениях. Дж. Локк, например, полагал, что образные выражения являются «несовершенством языка или злоупотреблением им» [7]. Он считал, что аллегориям место в досужных разговорах, но не в ученой речи, которая должна быть посвящена «вещам, как они есть». По убеждению Локка, в философии необходимо избегать всех тех примеров применения риторического искусства, «которые выходят за пределы того, что вносят порядок и ясность» [7, с. 89].

Так кто прав в вопросе правомочности применения философами аллегии – Дж. Локк или, к примеру, И. Гете? Пожалуй, такой вопрос не имеет смысла. Потому что философия содержит в себе самые различные системы мыслей, противоречивость которых отнюдь не дает возможности объявить какие-то из них несостоятельными. Более интересен другой вопрос – о недостатках применения аллегии.

Один из этих недостатков очевиден и был описан, например, А. Шопенгауэром: «Так как все символическое основано в сущности на условном соглашении, то среди прочих недостатков в символе имеется и тот, что смысл его со временем забывается

и он совершенно немеет» [11]. Далекое не все философские аллегии предшествующих эпох понятны читателям XXI века без подробного академического комментария, снабженного пространными экскурсами в культурную жизнь ушедших времен.

Но интерпретация аллегии – это лишь малая часть большой и сложной проблемы интерпретации философского текста. Она хоть и имеет свою специфику, но встречается с теми же непростыми проблемами, что и интерпретация философского текста в целом.

Выводы. На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. Аллегии занимают важное место в философских текстах. Аллегии способны нести важное концептуальное значение для изложения философских взглядов.

Роль аллегии в философском тексте определяется следующими шестью концептуальными моментами.

Во-первых, использование аллегии – это работа с «оптикой» философского текста. Аллегии позволяют философу излагать материал, подавая общее через особенное, или же, наоборот, изображая особенное через общее.

Во-вторых, в отличие от многих других элементов философского текста, аллегория не предназначена для буквального понимания. Единственный ее смысл – переносный.

В-третьих, в философии аллегии используются для того, чтобы выражать понятия. То есть, аллегии ведут читателя вовсе не в сферу художественных образов, а отсылают к понятиям.

В-четвертых, служа для передачи понятий, аллегии занимают совершенно законное и естественное место в инструментарии философа, забота которого, собственно, и состоит в работе с понятиями.

В-пятых, для некоторых философских понятий аллегория является более подходящим способом выражения философской позиции (например, понятие «абсолютное»), чем иные способы изложения философского материала.

В-шестых, аллегии позволяют философу излагать сухие абстрактные понятия таким образом, чтобы вызвать максимально сильный отклик у читателя, поскольку аллегии вызывают у читателя не только интеллектуальные размышления, но и стимулирующую их эстетическую реакцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Акишина Е. О. Метафора как форма выражения философских идей : автореф. дис. на соискание науч. степ. кандидата филос. наук : спец. «Онтология и теория познания» / Е. О. Акишина. – Омск, 2009. – 18 с.
2. Бозций. Утешение философией / Бозций // «Утешение философией» и другие трактаты. – М. : Наука, 1990. – С. 190 – 290.
3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Джамбаттиста Вико. М. : Ирис, 1994. – 637 с.
4. Гете И. Максимумы и размышления / И. В. Гете // Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1964. – С. 314 – 377.
5. Дидро Д. Прогулка скептика, или Аллен / Д. Дидро // Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1986. – С. 199 – 265.
6. Коэн М. Введение в логику и научный метод / Моррис Коэн, Эрнест Нагель. — Челябинск: 2010. – 655 с.
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк // Сочинения в 3-х т. Т. 1. – М. : Мысль, 1985. – С. 78 – 582.
8. Титарь Е. В. Символика *theatrum mundi* и аллегии христианского духовного роста в философской антропологии Г. Сквороды / Е.В. Титарь // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.– 2014. – Вып. № 9 (180). – Том 28. – С. 105–110.

9. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / Ф. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 456 с.
10. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Собр. соч. в пяти томах. Т. I. – М. : Московский Клуб, 1992. – 600 с.
12. Lerer S. Boethius and Dialogue: Literary Method in the “Consolation of Philosophy”/ Seth Lerer. – Princeton University Press, 2014. – 278 p.
13. MacCaffrey I. G. Spenser’s Allegory: The Anatomy of Imagination / Isabel Gamble MacCaffrey. – Princeton University Press, 2015. – 460 p.
14. Seigel J. E. Rhetoric and Philosophy in Renaissance Humanism / Jerrold E. Seigel. – Princeton University Press, 2015. – 290 p.

REFERENCES:

1. Akishina, E. O., 2009. Metafora kak forma vyrazhenija filosofskih idej [Metaphora as a form of expression of philosophical ideas]. Avtoref. dis. na soiskanie nauch. step. kandidata filos. nauk : spec. «Ontologija i teorija poznanija». Omsk. (in Russian).
2. Boethius, 1990. Uteshenie filosofiej [Consolation by Philosophy]. Moscow, Nauka. (in Russian).
3. Vico, D., 1994. Osnovaniya novoj nauki ob obshhej prirode nacij [Basics of New Science about the general nature of the nation]. Moscow, Iris. (in Russian).
4. Goethe, J., 1964. Maksimy i razmyshlenija [Maximums and Reflections]. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]. Moscow, Nauka, 314 – 377. (in Russian).
5. Diderot, D., 1986. Progulka skeptika, ili Allei [Walk of the skeptic or Allei]. Sochineniya v dvuh tomah. V.1. Moscow, Mysl', 199 – 265. (in Russian).
6. Cohen, M., Nagel, E., 2010. Vvedenie v logiku i nauchnyj metod [Introduction to Logic and Scientific Method]. Cheljabinsk. (in Russian).
7. Locke, J., 1985. Opyt o chelovecheskom razumenii [Essay on Human Understanding]. Sochineniya in 3 v. V. 1. Moscow, Mysl'. 78–582. (in Russian).
8. Titar', E. V., 2014. Simvolika theatrum mundi i allegorii hristianskogo duhovnogo rosta v filosofskoj antropologii G. Skovorody [Symbols of Theatrum mundi and allegories of the Christian spiritual growth in G. Skovoroda’s philosophical anthropology]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofija. Sociologija. Pravo. № 9 (180). – Vol. 28. 105–110. (in Russian).
9. Schelling, F. V., 1966. Filosofija iskusstva [Philosophy of art]. Moscow, Mysl'. (in Russian).
10. Schleiermacher, F., 2004. Germevntika [Hermeneutics]. St. Petersburg, Evropejskij Dom. (in Russian).
11. Schopenhauer, A., 1992. Mir kak volja i predstavlenie [The World being the Will and Representation]. Sobr. soch. v pjati tomah. T. V. Moscow, Moskovskij Klub. (in Russian).
12. Lerer, S., 2014. Boethius and Dialogue: Literary Method in the “Consolation of Philosophy”. Princeton University Press.
13. MacCaffrey, I. G., 2015. Spenser’s Allegory: The Anatomy of Imagination. Princeton University Press.
14. Seigel, J. E., 2015. Rhetoric and Philosophy in Renaissance Humanism. Princeton University Press.